

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Суббота, 21-го ноября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9845.

ЭСКИЗЫ.

I. Ея вальсъ.

До четырехъ часовъ я на службѣ. День у меня начинается всегда одинаково. Сквозь сонъ слышу стукъ въ дверь. Это—будятъ меня. Я встаю, торопливо одѣваюсь, умываюсь... Еще болѣе торопливо пью чай...

А потомъ до четырехъ часовъ, стуча на машинкѣ, говоря банальная скучная фразы, банально улыбаюсь... Я даже не тружусь посмотреть въ зеркало на свое усталое лицо. Не хочется поправлять ни волосъ, ни костюма. Не для кого...

Какъ неинтересны для меня эти люди, такъ неинтересна и я для нихъ...

Въ полчаса пятаго я дома, ъмъ свой обѣдъ и смотрю на часы... Собственно говоря, я знаю, что раньше полчаса седьмого онъ не придетъ, но уже въ пять часовъ какое-то странное, легкое волненіе охватываетъ меня. Мнѣ тяжело такъ сидѣть и ждать. Я бы съ удовольствиемъ ушла побродить по улицамъ, чтобы скоротать время, но боюсь опоздать. Если онъ уйдетъ назадъ, не заставъ меня. Если потомъ не придетъ и завтра, и послѣ завтра. Что я буду дѣлать? Вѣдь, въ концѣ концовъ, я же люблю его. Онъ для меня необходимъ, какъ воздухъ... Для меня, несчастной, одинокой, старѣющей дѣвушки.

И я всегда жду его, не переступая порога своей комнаты. Я оправляю разъ пять свою прическу, иной разъ даже перечесываюсь, желая придать себѣ болѣе интересный видъ. Знаю, что все это напрасно, но не могу. Кажется-тайная надежда теплится въ душѣ. А вдругъ онъ замѣтитъ... Вдругъ у него раскроются глаза... Вѣдь, можетъ же это быть...

Сажусь за піанино и нервно беру томящіеся, грустные аккорды. Потомъ начинаю ходить изъ угла въ уголъ. То и дѣло взглядаю на часы, прислушиваюсь къ каждому звуку. Наконецъ, въ передней раздается его голосъ и его обычное покашливанье. Онъ пришелъ... Всегда онъ ступаетъ немного тяжело, и доски коридора, мнѣ кажется, вздрогиваютъ подъ нимъ. А, быть можетъ, это дрожитъ мое сердце... Онъ входитъ и говоритъ, цѣляя мнѣ руку:

— Свѣжая нынѣ погода... Ночью будетъ морозъ... Или что-нибудь въ томъ же духѣ...

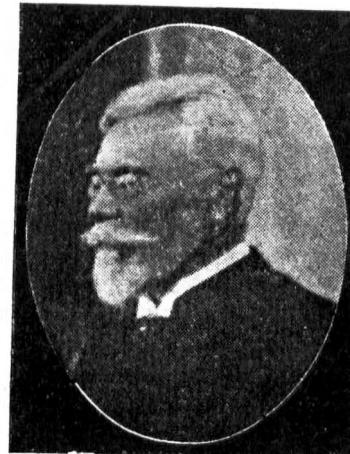
Потомъ, улыбаясь своей грустной и доброй улыбкой, забѣдливо освѣдомляется о моемъ здоровьѣ и рассказываетъ какія-нибудь новости города... Потомъ мы садимся пить чай. Это самое хорошее время. Мы не торопимся. Иногда читаемъ что-нибудь вмѣстѣ, иногда онъ разсказываетъ что-нибудь. Но о ней онъ за чаемъ никогда не говорить ни слова... Это послѣ...

— Какъ уютно у васъ, дорогая моя, — замѣчаетъ иногда онъ.— Вы знаете, если бы не вы, я не зналъ бы, какъ

мнѣ жить. Я не жилъ бы, хотя мнѣ надо жить для матери.

И еще разъ цѣлуешь мнѣ руку.

Самоваръ около лампы съ голубымъ абажуромъ долго мурлычитъ свою пѣсню и затихаетъ. Затихаетъ и наша бесѣда. Дѣлается грустно. Эта грусть какъ будто наполняетъ собою всю комнату, и я читаю ее такъ ясно въ чертахъ его лица...

Я. В. Кучеровъ.

Членъ Государственного Совета отъ Харьковской губерніи. Скончался 11 ноября.

Наконецъ, онъ поднимаетъ на меня глаза и просить нерѣшительно.

— Дорогая! Сыграйте, пожалуйста. Прошу васъ...

— Хорошо.

Я уменьшаю свѣтъ лампы, чтобы сладить контуры предметовъ, и подхожу къ піанино. Вообще, я люблю музыку и умѣю играть. Но при немъ какъ-то особенно выразительна и нѣжна моя игра. Иногда я импровизирую, охваченная настроениемъ, и въ полу-мракѣ комнаты рождаются и умираютъ незаконченныя, ласковыя мелодіи.

И такъ каждый вечеръ.

* *

И каждый вечеръ я съ тоскою слышу...

— Дорогая, теперь... ея вальсъ... Пожалуйста...

— Хорошо...

И я играю ея вальсъ, любимый вальсъ его покойной жены, мечтой и печалью о которой онъ полонъ до сихъ поръ. Я играю его.

И какъ больно, какъ тяжело мнѣ его играть...

— Еще, еще... пожалуйста—просить онъ.

— Хорошо...

Бѣгутъ звуки. И обоимъ намъ хочется плакать. Онъ сидитъ недалеко отъ меня, попрежнему опустивъ голову, и думаетъ. Конечно, ему вспоминаются тѣ вечера, когда этотъ вальсъ играла она... другая... покойная его жена и моя лучшая подруга...

— Маша... Маша—шепчетъ онъ ея имя...

— Вы знаете—говорить онъ потомъ вполголоса—вотъ это мѣсто она особенно любила. Дѣйствительно, удивительно красивое мѣсто. Помню, разъ мы ходили гулять. Такой хороший весенний былъ вечеръ. Еще Маша нарядала цѣлый букетъ раннихъ цветовъ и одинъ вколова мнѣ въ петлицу... Такъ радостно было... И, вотъ, мы вернулись домой. Сѣла она за рояль... Сыграла... съ чувствомъ, съ большимъ настроениемъ сыграла... И вдругъ мы слышимъ... За окномъ...

— Браво!.. Браво... Мерси...

— И цѣлый, знаете, дождь цветовъ посыпался къ намъ въ комнату. Мы съ Машей бросились къ окну... Еще помню, столкнулись, и она себѣ немного ушибла локотъ... Но уже никого не было... Очевидно, молодежь проходила и заслушалась... А локоть пришлось свинцовой примочкой лечить... Да...

Онъ улыбается, задумывается на секунду, потомъ продолжаетъ глушше итише...

— Собственно, я не знаю, чѣмъ я такъ провинился, за что я такъ наказанъ... И Маша... Почему взяли у нея ея жизнь? Она такъ любила жизнь, была такая веселая, счастливая, здоровая... Это возмутительно... Почему живутъ никому ненужные, несчастные, бездоленные, одинокіе...

— Какъ я,—рыдаетъ у меня въ груди...

— А умираютъ тѣ, кому надо жить... Ахъ, какъ тяжело, какъ больно... Дорогая! Пожалуйста, еще разъ Машинъ вальсъ...

— Хорошо...

И опять я играю его... И жуткое чувство ненависти къ покойницѣ вдругъ набѣгає на душу... Почему, почему такъ?.. Я борюсь съ этимъ чувствомъ, но оно душитъ меня... И, вотъ, руки безсильно застыгаютъ на клавіатурѣ, и я плачу...

Плачу неслышно, незамѣтно и незамѣтно утираю слѣзы...

— Вы устали?—раздается его озабоченный голосъ. Ну, будетъ... Спасибо вамъ, дорогая, за Машинъ вальсъ.

II. Весенний дождь.

Лежу среди густой цветущей черемухи. Надо мной жужжать пчелы и стрекочутъ, рѣя въ ароматномъ воздухѣ, стрекозы. Лежу на пледѣ, а подъ головой, вмѣсто подушки, ученая книга.

— Очень научная и скучная, какъ говорить Лизочка.

Пришелъ сюда заниматься, но прочель двѣ страницы, а, перейдя къ третьей, заглядѣлся на стрекозъ, а потомъ въ голову, вмѣстѣ съ дремотой, пришла идея, что хорошо толстую книгу положить подъ голову... Сами собой закрылись глаза и...

— Что это такое? Стрекоза...

Кто-то отважно разгуливаетъ по моей шекѣ. Не открывая глазъ, звонко хлопаю себя и обшариваю все свое лицо... Нѣтъ ничего. Но едва я рѣшаю

Къ 75-лѣтію Кіевскаго университета.

Н. М. Цытовичъ.
Ректоръ университета св. Владимира въ Киевѣ.

Университетъ св. Владимира.
Фасадъ по Б. Владимирской улицѣ въ Киевѣ.

задремать, снова что-то ползть по щекѣ, около уха и щекочеть кожу.

Протягиваю правый глазъ... Ахъ, это Лизочка водить травинкой, улыбаясь и поеживаясь отъ удовольствія. Чтобы увеличить ея удовольствіе, бью себя еще разъ и еще, точно не понимаю, въ чемъ дѣло, а затѣмъ ловлю руку Лизочки и цѣлую...

— Ахъ, противный!—пробуетъ обидѣться она...

— Я думаль—стрекозу поймаю, такъ наугадъ схватиль и...

— И что?—у нея вопросительно приподнимаются кончики верхней губки.

— И, конечно, хотѣль проглотить обидчицу... Хвать, это ваша рука... Пришлось поцѣлововать...

— Ха, ха, ха!...—смѣется Лизочка...

— Ха, ха,—вторю ей я...

— Однако, вы хорошо занимаетесь. А все еще ворчите, что мы вамъ мѣшаемъ...

— Кто это?—мы.

— Да, вотъ... Ну, я, напримѣръ...

Принимаю серьезный видъ и говорю съ упрекомъ.

— Лизочка!.. Вы же знаете, что не можете мнѣ помѣшать. Ну, скажите, когда я вамъ говорилъ это... Когда?..

Я гляжу ей прямо въ глаза... Лизочка смущается и отворачивается отъ меня... Я беру ея обѣ руки...

— Ахъ, Лизочка, Лизочка—бормочу я... Почему вы...

Но она вдругъ вскакиваетъ и воскликаетъ, хлопая въ ладоши...

— Ахъ, дождь, дождь!.. Я, вѣдь, и пошла искать вѣснъ, чтобы предупредить... Смотрите—туча...

И... вотъ капля... и еще капля... Дождь, дождь!..

Взглядываю на небо. Дѣйствительно, туча, словно бѣлый клубъ сбытий (Лизочкино сравненіе), плаваешь надъ нами, окаймленная безоблачной синевой...

Тучка и солнце... Дождь и радость... Когда это можетъ быть, какъ не весной?..

— Еще три капли—говорить Лизочки.—Бѣжимъ.

— Куда?

— Домой...

— Нѣтъ. Въ бесѣдку...

Она смотрѣть на меня съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Потомъ рѣшается.

— Ну, хорошо, въ бесѣдку...

А дождикъ уже шумитъ по деревьевъ и листьямъ. Капли падаютъ чаще и чаще... Лизочка впереди, я за ней съ пледомъ и съ научной и скучной книгой.

Она оглядывается на меня и хохочетъ. Какой смѣшной... Для эффекта я роню научную и скучную книгу у самаго порога бесѣдки...

— Ха, ха, ха!...—смѣется Лизочка и спотыкается о порогъ. Я подхватываю ее за руки...

— Но... строго говорить она.

— Лизочка!..

— Но... пустите!...

— Лизочка!...

Лизочка краснеетъ, потомъ блѣднѣеть и уже не протестуетъ... Боже, какъ я люблю ее въ этотъ мигъ, когда мы рядомъ, близко, близко опускаемся на скамейку бесѣдки...

Дождикъ барабанитъ по крышѣ ея и крупными, тяжелыми каплями падаетъ съ вѣтвей сирени около насъ. Но мы не замѣчаемъ дождя... Мы ничего не замѣчаемъ...

П. Лозановъ.

Г О Р Е.

(Carte postale).

Такъ странно было: вчера все темное, мокре, зябнущее, а сегодня бѣлое, нѣжное, трогательное въ своей недолговѣчности. Вѣдь, снѣгъ снова растаетъ... это первый снѣгъ...

Ада смотрѣла на улицу, забывая руки. Ныло сердце. Послѣ безсонной ночи, въ головѣ пустота, неясность. Безпокойно ждала мать. Ее позвали къ нѣжному квартрантамъ. Еще на разсвѣтѣ тамъ суетились, передвигали мебель, хлопали дверями. Неужели получена телеграмма?

Однако, не вздрогнула, не закрыла лицо руками, какъ дѣлала это позавчера, третьяго дня. Будь, что будетъ. Даже нѣтъ, просто не было мыслей. Ледъ, холодъ въ душѣ.

Мысленно перенеслась въ нижний этажъ. Тамъ три комнаты. Нарядныя, уютныя, съ цвѣтами и роялемъ. Двѣ женщины, сестры. Красивыя, глупыя,

лѣнивыя. Встаютъ поздно, їдятъ цѣлый день, сплетничаютъ. Сплетничаютъ съ восторгомъ, захлебываясь, разгораясь, сплетничаютъ виртуозно. Носятъ пышные, безвкусныя пласти, любятъ романы, оперетку, и, когда проходитъ мимо оконъ мужчина, провожаютъ его любопытнымъ взглядомъ. Высказываютъ предположенія, смѣются. Зубы ровные, хищные, ротъ такою спокойный, чувственный, безъ единой складки горечи. Вечеромъ сестры уѣзжаютъ куда-нибудь, чаще въ гости, а, вернувшись, засыпаютъ спокойно и не видятъ сновъ. А если и увидятъ, то больше насчетъ сѣѣдѣнаго:—“Я сегодня малину ъла”,—а мнѣ торть Ивановъ поднесъ”. Такъ живутъ въ нижнемъ этажѣ двѣ женщины, но есть еще третій человѣкъ, къ нимъ прічастный, имъ близкій, хотя теперь онъ далеко. Человѣкъ этотъ—мужъ старшей сестры, адвокатъ Плещеевъ, и работаетъ онъ бѣшено, не по силамъ, чтобы два милыхъ созданія спали крѣпко, безъ сновъ. Теперь заболѣлъ. Тяжко. Можетъ-быть, не встанетъ. Заболѣлъ въ столицѣ, тамъ и слегъ, но къ нему не ёдуть ни жена, ни своячница, такъ какъ есть телеграфъ и русское словечко—“обойдется”.

И обѣ этомъ человѣкѣ, одинокомъ, больномъ, несчастномъ, думала Ада. И думы были тревожны, пугливы, мучительны.

Вспоминала...

Короткія, рѣдкія встрѣчи. Съ его стороны сухія, вѣжливые фразы, усталый взглядъ... скользнули раза два участливыя ноты, но такъ... еле замѣтно. Возможно, ихъ совсѣмъ не было. Просто почудилось. Съ ея стороны—молчаливое, тайное обожаніе. Въ груди трепетало, рвалось и несмѣло молило что то необыкновенно большое, яркое, выстраданное, и потухало безъ отвѣта. Ему ничего не сказала. Да и что сказать? Любить?.. Ну, да, да, любить безумно, отчаянно, любить до боли, но, вѣдь, чужого, несвободного. Другой отданъ, и та, другая, дороже для него всего на свѣтѣ. Жалости попросить? Быть-можетъ, и попросила бы, если бы вѣрила, что откликнется. Утѣшалась:—“живу въ одномъ городѣ, дышу однимъ воздухомъ, вижу, слышу...

Это-ли не счастье?—Сама не была избалована. Жизнь устроилась нудно, скучно. Въ дѣтствѣ суро-ый отчимъ, гнетъ матери, по-томъ гувернантство, наконецъ, замужество. Мать теперь, по прежнему, всѣмъ распоряжается, мужъ поглощенъ службой. И когда пришла любовь, несчастливая, но яркая, покорилась ей съ восторгомъ. А въ томъ, что была тайна, молчаніе, мука и безнадежность, находила свою жуткую радость.

Потомъ онъ уѣхалъ въ столицу. Начала ждать. Вотъ такъ садилась къ окну, вышивала или вязала и ждала. “Черезъ три мѣсяца вернется”. И чувствовала себя дѣвушкой. Когда же онъ заболѣлъ—не повѣрила. Не могла повѣрить. Придумывала тысячу предлоговъ приходить къ его же-нѣ, даже по нѣсколько разъ на день. Узнавала каждую мелочь, блѣднѣла до губъ при видѣ почтальона, не ѻла, не пила, не замѣчала ничего окружающаго. И только не плакала. Молчала. Но въ конецъ, смерть, не вѣрила. И дни тянулись годами.

Хлопнула дверь на парадномъ. Мать вернулась. Слышино, какъ взволнованно распоряжается.

— Глаша... завтра готовьте скрѣ... сейчасъ квартирантки придути.

Ада замерла. И знаетъ—горе, и не знаетъ. Къ сердцу прилило что-то жуткое, темное, страшное. Засосало. Боль такая, что крикнуть хочется.

И знаетъ—горе, и не знаетъ.

— Несчастіе, Адочка... Плещеевъ скончался.

Дочь глянула на старческое, озабоченное лицо прямо, не дрогнувъ.

— Умеръ?

— Да, ночью... сейчасъ Лидія Петровна на вокзалѣ єдетъ... телеграмму на разсвѣтѣ получили... шумъ-то подняли... это онѣ укладывались...

— Телеграмму получили?

— Ахъ, Боже мой, ну, да... какая ты безтолковая, Ада... Онѣ у насъ сейчасъ кофе напьются... имъ, вѣдь, бѣдняжкамъ не до того... вотъ горе-то...

Суетилась.

Ада молчала. Къ рукодѣлію склонилась. Лица не видно.

Чистую скатерть постлали, новый сервизъ. Побѣжала Глаша за масломъ и сухарями.

Мать кидала сѣрыя, приторные слова. Всѣ люди смертны... ничего не подѣлаешь... смиряться нужно... вонь Адочка иногда капризничаетъ, а стрясись бѣда...

— Ты отчего это зеленая сидишъ? Мигренъ?

— Да, мама...

— Ты будь съ Лидіей Петровной поласковѣ... вдова теперь... У нея доброе сердце...

Въ ушахъ Ады шумъ... всю кача-ѣтъ... Сонъ или явъ? Гдѣ же она, въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, да, въ столовой, за рукодѣліемъ... Только бы не зары-даться... только бы не крикнуть...

Онъ умеръ... умеръ... Т. е. какъ умеръ? Да и нѣть его, нѣть въ цѣломъ мірѣ... нигдѣ не отыщешь... никогда...

— Ада, я думаю, для завтрака достаточно... кофе, сыръ, масло... или закуски раскупорить?

С. И. Тимашевъ.
Новый министръ торговли и промышленности.

Альб. Гюйо.

Авиаторъ, производившій опытные полеты въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

— Не знаю.

Мать разсердилась.

— Да тебя, положимъ, не спрашивай... ничего не знаешь... Чужая.

Правда. Вотъ это правда. Здѣсь она чужая.

Звонокъ. Глаша метнулась. За нею старая барыня. Она очень растрогана.

Ада поднялась. Упаду?.. Нельзя падать. Нѣть, не упаду.

Вдова пришла.

Его вдова.

Она одна имѣть право кричать, биться, рыдать—её никто не осудить. Она одна.

Лидія Петровна заплакана, напудрена. Свѣжее платье, свѣжая прическа. Не забыла подушиться. Сестра груст-

на. Еще въ свѣтломъ. Темного нѣтъ.

— Ада Николаевна!

Обнялись. У вдовы мелкія слезинки. Кого жаль? себя, покойнаго?

— Боже, такое несчастіе... ужасно... стонетъ сестра.

Ада бормочетъ что-то невнятное. Ея мать вытираетъ глаза. Вдова плачетъ нѣсколько минутъ. Сморкается, кашляетъ, нюхаетъ спиртъ. Боится, что ей будетъ нехорошо въ поѣздѣ.

Сѣли къ столу. Глаша вошла—ушла. Лицо почтительно-скорбное. Дамы, кромѣ Ады, говорятъ вполголоса. Словно покойникъ здѣсь, въ домѣ. Рассказываютъ подробности его смерти. Воспаленіе легкихъ. Если бы не переутомленіе, истощеніе, возможно, поднялся бы. Телеграмму вторично прочли.

— Я совсѣмъ голову потеряла—шепчетъ Лидія Петровна, —я на ногахъ не стою.

По ея словамъ, имъ придется жить въ Петербургѣ.

Послали разсыльного взять билеты и отправить багажъ.

Ада смотрѣть на нихъ. Онъ умеръ въ полночь. Что было съ нею, въ полночь? Ничего особенного. Вернулась изъ оперы. Мужъ шутіль... просилъ волосы заплести въ косу...

— Ты на Маргариту похожа.—Потомъ ласкалъ... Охъ, пошлость, гнусность, бездна!...

И не болѣло сердце?.. Не болѣло.

въ обществѣ, такъ съ отдельными лицами; онъ прекрасный судья женской красоты; у него великолѣпный характеръ; онъ больше любить свой домъ, чѣмъ клубъ".

Прикованный къ стѣнѣ Рафаэль.

Извѣстно, что съ давнихъ поръ особенно цѣнныя книги, находящіяся въ библиотекахъ, прикрепляются цѣпочками къ шкафамъ. Этотъ обычай по совсѣмъ другимъ поводамъ нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ директора болонскаго „Эрмитажа“. Онъ приказалъ одну изъ лучшихъ картинъ Рафаэля, „Св. Цецилія“, запереть въ желѣзный ящикъ со стекляннымъ верхомъ и цѣпями приковать къ стѣнѣ. Очень много лѣтъ передъ этой картиной сидѣлъ одинъ художникъ и съ неутомимымъ терпѣніемъ копировалъ это произведение искусства, и это было причиной необыкновенныхъ средствъ предосторожности, предпринятыхъ директоромъ галлереи. Послѣдній, на заданный ему однимъ корреспондентомъ вопросъ по поводу этого, отвѣтилъ: „Вы видите вонъ того старого художника? Цѣлыхъ 40 лѣтъ онъ занятъ копированиемъ этой картины и, благодаря исключительному сосредоточенію всего своего вниманія на одной этой работе, дошелъ до такого совершенства въ воспроизведеніи каждой черты, оттѣнка и всѣхъ мельчайшихъ особенностей, что теперь величайшій знатокъ Рафаэля не былъ бы въ состояніи отличить копіи отъ оригинала. Поэтому легко понять, почему мы приковали цѣпями къ стѣнѣ произведение великаго художника“.

Анекдотъ о князѣ Ито.

Князь Ито, недавно убитый въ Харбинѣ, принадлежалъ къ числу лицъ, изо всѣхъ силъ стремившихся открыть Японію для западной цивилизации. Ито вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями отправился въ Европу для изученія мѣстной цивилизациіи, что японскіе фанатики сочли за измѣну отечеству. По возвращеніи ихъ въ Японію фанатики нѣсколько разъ пытались раздѣлаться съ ними.

Разъ вечеромъ, когда Ито было 25 лѣтъ, онъ сидѣлъ у одной своей пріятельницы, гейши, вдругъ передъ домомъ раздался крикъ толпы: „Смерть Ито!“ Гейша не растерялась. Она открыла люкъ и заставила своего друга спрятаться въ подполье. Потомъ на люкъ она поставила ванну и наполнила ее водой. А когда толпа съ угрозами ворвалась въ домъ,—она нашла только одну дѣвшушку, которая раздѣвалась передъ ванной. Когда враги ушли, Ито могъ бѣжать. Впослѣдствіи, находчивая гейша, спасшая ему жизнь, сдѣлалась княгиней Ито.

Честный воръ.

Въ Одессѣ годъ назадъ у ялтинскаго жителя К. украли часы. Спустя недѣлю по прѣздѣ въ Ялту, г. К. получилъ изъ Одессы за подписью нѣкоторого С-ва письмо, въ которомъ авторъ

Въ вагонѣ японской жел. дороги.

доводилъ до свѣдѣнія г. К., что часы его въ Одессѣ похитилъ онъ, „такъ какъ вынужденъ былъ на это крайне тяжелыми обстоятельствами“.

На-дняхъ, по словамъ одесскихъ газетъ, г. К. получилъ изъ Ростова-на-Дону посылку въ 200 рублей. Вскрывъ ее, г. К. былъ пораженъ: въ роскошномъ бархатномъ футляре онъ нашелъ не только свои часы, но и массивную золотую цѣпочку къ нимъ, съ слѣдующею запискою: „Возвращаю похищенные невольно у васъ часы и, въ видѣ процентовъ, цѣпочку, которую прошу принять на память обо мнѣ. Обстоятельства мои улучшились. Быть можетъ, скоро побываю у васъ лично, поблагодарю васъ и попрошу прощенія за причиненное вамъ огорченіе. С. С-въ“.

Вредъ отъ соли.

Многіе думаютъ, что необходимо солить пищу, чтобы помочь слюноотдѣленію и перевариванію. Докторъ Бизонъ, знаменитый специалистъ по физиологии внутреннихъ органовъ, утверждаетъ, что соль скорѣе вредна, чѣмъ полезна, и во всякомъ случаѣ ничего нельзя ѓсть слишкомъ соленаго. Всякий излишекъ соли влечеть за собою серьезныя болѣзни. И безъ того соль входитъ въ составъ всѣхъ органическихъ тѣлъ. Обиліе соли уменьшаетъ выдѣленіе железъ. Пересоль приводить къ тому, что въ организмѣ накапливается вода, а это крайне вредно. Вызывающая жажду, соль порождаетъ пьянство. Въ ресторанахъ потому вредно обѣдать, что въ нихъ пища пересаливается съ тѣмъ, чтобы заставить посѣтителей пить больше вина; при-

чемъ въ вечернихъ кушаньяхъ соли больше, въ разсчетѣ на болѣе пьяного посѣтителя. Пиво вредно, главнымъ образомъ, потому, что въ него кладется много соли для возбужденія жажды. Слѣдуетъ припомнить, что алкоголикъ не можетъ пить безъ „солененькаго“. Алкоголь и соль—друзья. Соль, накапливаясь въ организмѣ, влечетъ за собою, кроме того, ранній склерозъ. А дѣти, которымъ даютъ много соли, умственно слабѣютъ, и всѣ ихъ способности скоро тускнѣютъ, а здоровье расшатывается.

Новое о насѣкомыхъ.

Какъ есть различные категории мыслящихъ существъ, такъ есть и различные формы мышленія. Умъ у человѣка одинъ, а умъ у животныхъ уже другой, и рѣшительно отличается отъ этихъ обоихъ умовъ—умъ насѣкомыхъ. Профессоръ Гарвей въ своемъ послѣднемъ трудѣ приходитъ къ заключенію, что нельзя провести ни малѣйшей параллели между нервной системой насѣкомыхъ и позвоночныхъ животныхъ; точно также не имѣютъ ничего общаго ихъ органы чувствъ съ нашими. На самомъ дѣлѣ, органы чувствъ у насѣкомыхъ очень мало известны; но уже то, что извѣстно, позволяетъ о нихъ судить и разматривать ихъ подъ совсѣмъ

другимъ угломъ зреянія, чѣмъ судили до сихъ поръ. У насѣкомыхъ глаза иные, и видятъ они совсѣмъ не то, что видимъ мы; глаза у нихъ многогранные. Трудно представить себѣ, что и какъ они воспринимаютъ своими глазами. Нервная цѣль ихъ составлена изъ двухъ узловатыхъ ниточекъ, и развѣ похожа она на нашъ спинной мозгъ? У насѣкомыхъ нѣтъ вкуса и едва-ли есть обоняніе, органъ осязанія у нихъ тоже слабо развитъ. Но зато они обладаютъ какими-то другими чувствами необыкновенной остроты, которыхъ мы совершенно лишиены. Человѣческій умъ чуждъ уму насѣкомаго, которое руководится опытомъ, пріобрѣтеннымъ всеюрасою, всѣмъ видомъ, а не отдельною личностью; у насѣкомыхъ, прежде всего, нѣтъ индивидуальности.

Трудъ Гарвея, отказывающій въ умѣ пчеламъ и муравьямъ, любопытенъ. Можно пожалѣть, что авторъ не собралъ никакихъ положительныхъ данныхъ.

